

ражение все равно неизбежно, но она представляет также удобный способ, пользуясь моментом войны, разрешить и наш внутренний политический кризис.

Но больше того, — ведь если занять оборонческо-примиренческую позицию теперь, то пришлось бы не только задним числом осудить Февральскую революцию 1917 г. и революцию 1905 г., что, правда, имеет уже только исторический интерес, но — что уже имеет и политическое значение — пришлось бы уже теперь, **заранее** осудить и то возможное, а по нашему мнению, неизбежное народное револ. движение, которое вызовет будущая война. Этот в высшей степени шепетильный вопрос нужно оборонцам-примиренцам ставить в упор: что если в момент ожидаемой войны, произойдет народная революция, а это не праздная гипотеза, а почти неизбежный факт, то что они не «примут» ее и осудят, будут участвовать, хотя бы только морально, в ее подавлении? И не целесообразно ли, также и для дела обороны, предвидывая этот неизбежный факт, быть тактически готовым к нему, чтоб, будучи в момент его свершения с народом, а не против него, обратить его революционные энергии в революционную войну, в революционную оборону? Ибо иначе эти революционные энергии обратятся или в стихию анархии или в изменническую стихию поражения.

Такова в общих чертах наша позиция. Повторяем, она предполагает, что к моменту войны теперешнее политическое положение в России останется неизменным. И это наша давнишняя установка, формулированная нами впервые еще в 30 году. Но тогда мы с этим решением были здесь в эмиграции еще совершенно одиноки. Теперь, как будто, к нему приближаются и некоторые другие группировки, в частности, группа ген. Деникина. — Однако, с той существенной разницей, что там нужно говорить не о революционном, а о контрреволюционном оборончестве. А в этом все дело. Контрреволюционное оборончество есть оборотная сторона лжи примиренческого оборончества, ибо оно переводит вопрос в исторически изжитую антитезу борьбы «красных» и «белых», превращает проблемы обороны и стабилизации новой, пореволюционной России в рецидив старой и уже преодоленной трагедии. Следовательно, для подлинного оборончества и подлинно революционного оборончества нужна соответственная прогрессивная идеология, которая бы не только не осложняла и не парализовывала дело обороны, но, будучи и политическим Исходом из современного нашего исторического кризиса, благоприятствовала бы и форсировала его.

II. Боранецкий.

Выделить Сталина?

В политике очень легко быть минималистом, также как легко быть и максималистом. Но очень трудно быть тем и другим, т.е. уметь сочетать то и другое, уметь находить в каждом изгибе живой действительности такой *modus vivendi*, чтоб он не был, с одной стороны оппортунизмом, а с другой — утопизмом. В этом замысле мы усматриваем возможность нового высшего стиля политики, политики живой, целостной, гармонической, охватывающей жизнь во всей ее полноте. Собственно, это означает только обрести в ней нормальное зрение, что так трудно дается в исторической атмосфере — и не страдать ни близорукостью, ни дальнорукостью — болезнями обычными в этой области.

Верные этой своей общей установке, мы с ней подходим и к вопросам современной советской действительности. Это нам позволяет одновременно видеть и ее дали, и ее повседневность и последнюю глубину ее, и ближайшую поверхность. С таким лишь подходом нужно оценивать и реформаторскую деятельность Сталина, которая, быть может, сделает возможным мирное и бескровное переключение революционного процесса в ту высшую творческую стадию его развития, без чего станет необходимой и неизбежной новая Третья Революция. Главное же, такой, своевременно сверху проведенный переворот, один мог бы предупредить, вплотную надвинувшуюся войну, которая в противном случае станет неизбежной. А такая война будет катастрофической не только для России, но в первую очередь для теперешней власти, — при этом, трудно даже представить себе, во что выльется то море ненависти народной, которое скопилось за эти двадцать страшных лет.

Каждая историческая смена может произойти мирным, органическим путем, или революционным, катастрофическим. В лучшем, мирном случае — революционный кризис в России должен необходимо пройти через три фазы: от ленинской негативной стадии через некую переходную освободительную к грядущей конструктивной стадии, которую принесут люди, вышедшие из Революции, но изжившие и превзошедшие ее первый негативный этап. При таком ходе разви-

тия революционного процесса его **прогрессивное** движение вперед обеспечено. В противном случае, если первая, коммуно-марксистская негативная фаза будет изживаться революционным, катастрофическим путем, то судьба дальнейшего развития приобретет **антиномический** характер. Она может явиться победой, исторически назревшей, новой, Третьей Революции, но может кончиться и самой ужасной, черной реакцией, в результате которой Россия, на некоторое неопределенно длительное время, будет отброшена далеко назад — к своему до-февральскому, до-революционному состоянию. Тогда мертвый круг событий замкнется и, как было во Франции, прежний цикл их станет неизбежным сызнова: ведь восстановленные прежние причины вызовут и те же последствия.

Т. о., возможная миссия Сталина в судьбе России и Революции, а через них и всего дальнейшего развития современного человечества, представляется в совершенно исключительных размерах. И если бы он эту миссию осознал и действительно выполнил, дело его было бы, в изв. отн. значительнее дела двух др. — величайших революционеров сверху — Петра Великого и Наполеона, — прежде всего потому, что неизмеримо больше масштабы той исторической рамы, в пределах которой ему приходится действовать. Ведь в сравнении с Русской Революцией Французская Революция — буря в стакане воды, карликовое предприятие. — Ведь что такое тогдашняя Франция, что такое тогдашняя Европа, тогдашний мир, тогдашние проблемы, масштабы, трудности, конфликты!? Это историческая дистанция так умаляет Русскую Революцию и возвеличивает Французскую: временное расстояние имеет противоположное действие тому, какое имеет пространственное расстояние: удаление во времени не умаляет предмет, как в пространстве, а наоборот, увеличивает его.

Но, конечно, это так было бы лишь в том случае, если бы Сталин на том пути, на котором он находится сейчас, пошел до конца; если бы дело его было исполнением **всей меры** исторической необходимости, а не попыткой откупиться перед грозными велениями истории мелкой, может быть даже, фальшивой монетой. Тем более, что дело идет не об отступлении, не о реакции, а, наоборот, о переключении революционной динамики в высшую стадию ее развития, в ту творческую и заключительную стадию ее, в которой только и будет достигнуто оправдание и всего предыдущего революционного процесса. В теперешней своей коммуно-марксистской фазе Русская Революция есть — и политически, и идеологически — уже изжитый и превзойденный этап развития. Коммунистическая партия сейчас является — в худшем смысле слова — реакционной силой. Она все еще живет шпалками, созданными Марксом почти сто лет тому назад, т. е. после целой эпохи небывало бурного и грандиозного развития человечества.

При этом Сталин безусловно мог бы эту освободительно-реконструктивную миссию выполнить, — если бы он был на уровне исто-

рических требований, с одной стороны и обладал тем исключительным мужеством, какое требуется от революционера сверху — с другой стороны. — Ведь он сейчас в России почти всемогущ — это общепризнанное представление. Вот почему загадка судьбы России сейчас, как во всех вообще автократических режимах, приобретает все более **биографический** характер. Тем больше, следовательно, та тяжесть ответственности перед Историей за русский народ, которая лежит на Сталине.

Теперь мы пока еще не знаем и не можем еще знать, каковы настоящие намерения Сталина. Мы даже склонны думать, что он и сам этого еще не знает. Тем более существенно отметить, что **то, что он делает сейчас, похоже и на подготовку, и на предупреждение переворота.** Одни и те же факты его мероприятий, могут быть истолкованы и так, и этак. Лишь дальнейшие события не только покажут, но и обяжут его избрать то или иное. Пока же ясно одно, что чем дальше, тем больше приходится различать Сталина, все более перерастающего в **общенародного вождя и главу государства** и компартию, все более превращающуюся лишь в **функциональный** орган государствен. аппарата. Кроме того, в этих новых отношениях Сталина и компартии не мало есть знаменательных черт сходства с отношениями к боярам Иоанна Грозного — этого первого в России революционера сверху, — только угнетенные «красных бояр» («красных дворян» по тамошнему выражению) осложнено здесь сильно тактическими соображениями.

Во всяком случае, если бы даже у Сталина не оказалось тех свойств исторической зрелости и революционного мужества, о которых выше говорится и все его мероприятия имели бы для него только **стратегическое** значение, то и тогда — правда, уже вопреки его воле и намерениям — эта теперешняя реформаторская деятельность его может иметь не малое положительное значение.

Если то, что Сталин сделал до сих пор рассматривать **статически**, в сам себе, вне исторической перспективы, то, по существу, оно не меняет ничего, реальное соотношение вещей остается прежним. Но реформаторская деятельность Сталина приобретает совсем иное значение и смысл, если ее рассматривать динамически, в перспективе времени. — безразлично, при этом, какими бы ни руководствовались намерениями сам реформатор. Мы властны — в известной мере — над своими поступками, пока они не совершены, но над их последствиями — раз эти поступки уже произошли, мы не властны, а они как раз часто неизмеримо важнее самих поступков. Кроме того, есть сила особой исторической последовательности и инерции, по которой незначительное по началу изменение может привести потом к огромным, решающим последствиям. Так в переводе железно-дорожной стрелки производится лишь незначительное перемещение рельс, но «последствием» этого является то, что поезд таким образом может быть направлен в совсем другие страны. Пусть

Сталин притворяется, пусть он хитрит: в политике важны не субъективные побуждения, а объективные результаты. И пусть он при этом не забывает того правила, что тот, кто пытается обойти, рискует сам быть обойденным. Притворяясь и хитря, он, помимо прочего, — хочет ли он того или не хочет — вызывает тех духов, с которыми он сам потом не в силах будет справиться, и ему придется или идти и дальше и уже вслед за ними, или самому пасть их жертвой. Чего он хочет — нам даже не важно, но нам важно, что он, в частности, открывает пути **новым людям**. А новые люди принесут не только новые мысли и слова, новую психологию, но и — в свою очередь — дальнейшее расширение тех путей, по которым они сами пришли. От коммунистической диктатуры нельзя безнаказанно отступать дальше известных пределов, ибо это диктатура **секты**. А Сталин уже эти пределы **переступил**; и не только переступил — он уже лишил себя возможности вернуться обратно за их черту, так как им самим подорваны те столпы, на которых прежде держалась сектантская диктатура.

Так что, повторяем, пускай он притворяется. Говорят, что если притворяться сумасшедшим, то можно на самом деле сойти с ума. Так у Л. Андреева один герой («Мысль»), начав притворяться сумасшедшим, потом уже сам не знал — притворяется ли он сумасшедшим или является им на самом деле. Здесь же, в нашем случае нечто обратное: несомненно психически больные, одержимые темной, нездоровой идеей, стараются притворяться здоровыми. И, конечно, — пускай притворяются: может быть, таким образом, притворяясь, они и на самом деле выздоровеют. И так как международная и внутренняя обстановка складывается так, что им придется все больше и больше притворяться, при том, притворяться еще **очень и очень долго**, то мы почти уверены, что они, в конце концов, таки действительно выздоровеют. Беда лишь в том, что вряд ли им дадут достаточное время на такое слишком длительное выздоравливание. Но это уже особый вопрос.

По всем данным Сталин пока, как будто, стремится сыграть роль «честного маклера» в примирении коммунистической партии и русского народа. Но такой мир безусловно невозможен ни для ком. партии, которая для этого должна была бы отказаться от того, что она есть, ни для русского народа, которого от нее отделяет страшная и заколдованная пропасть, налитая кровью его и его страданиями. Память народа длится веками: он до сих пор еще сохраняет в своем историческом подсознательном образы татарского ига, смутного времени, крепостного права и т. п. Большевицкая же татарщина, большевицское крепостное право у него еще фигурируют на глазах; кровью залитая русская земля, еще даже не высохла и высохнет еще не скоро, а боли невероятных страданий не только не прошли, но и не могут пройти, пока над ним хозяйничает все та же партия,

эта партия социального сализма, все та же власть, ставшая властью народного горя.

Нельзя примирить палачей с их жертвами, убийц с убитыми, истязателей с истязаемыми. Поэтому вся сталинская затея сыграть роль «честного (и честного-ли?) маклера» между теми и другими — если таковая имеет место, — есть предприятие заведомо безнадежное и ему придется выбирать между той и другой стороной.

Сталин по меньшей мере вошел бы в историю, как народный герой, как — в подлинном смысле слова — освободитель, если бы вытащил народ из той коммуно-марксистской петли, в какую он обманым образом попал. В противном случае он — на том пути, на котором он сейчас находится — рискует для одной борющейся стороны стать ренегатом, а для другой — политическим шулером и лжецом — ролями в том и другом случае незавидными и малопочтенными в истории.

П. Боранецкий.